

Бай Цян Цинь, остыв от гнева, с презрением глядел на свою невестку. Эта девица, по его мнению, не стоила и ломаного гроша по сравнению с его любимой дочерью, настоящей жемчужиной высшего общества. Этот брак, как он твердо верил, должен был стать безупречным.— Отведите ее в комнату, пусть подумает о своем поведении, — бросил он, махнув рукой. Телохранитель тут же ослабил хватку и отпустил Сань Гуа Цинь. Она, прищурившись, потерла запястья, на которых уже краснели следы от его грубой руки. Затем, с едва заметной улыбкой, посмотрела на телохранителя.— Вы мне руки повредили, — заметила она мягким, но пронзительным голосом. Телохранитель покраснел и отвернулся, с трудом сглотнув. Мяо Ду, наблюдая за происходящим, испытывала жгучую зависть. Если бы не этот брак, она бы с удовольствием разорвала Сань Гуа Цинь на части. Такая же беспринципная, как и ее мать, эта мерзкая шлюха! Последнее, что Мяо Ду хотела видеть, — это нежное, трогательное лицо Сань Гуа Цинь, которое в одно мгновение могло стать величественным, словно у царицы. Сань Гуа умело использовала свою привлекательность, словно оружие. Не обращая внимания на злобный взгляд Мяо Ду, она направилась в свою комнату. В зеркале она увидела ярко выраженный след от пощечины. Но, как она знала, к вечеру он исчезнет. Бай Цян Цинь не хотел, чтобы посторонние узнали, как его родная дочь унижают в собственном доме. Сань Гуа скривила губы и опустила воротник, обнажив шею, усеянную следами поцелуев, среди которых виднелись синяки от фиолетового до черного. Она хотела, чтобы было очевидно, что прошедшая ночь была полна страсти. Отпечатки пальцев на ее лице исчезнут, но следы поцелуев останутся на неделю. Она предвкушала, как Лян Чен Лу, увидев их в первую брачную ночь, вспыхнет гневом. Как же это будет прекрасно! Она не собиралась жить в семье Лу и дня. Ее целью было превратить жизнь семьи Цинь в ад. Даже если ей придется умереть, она найдет кого-то, кто разделит с ней этот кошмар. Погруженная в эти мрачные мысли, Сань Гуа крепко уснула. Она даже не подозревала, что мужчина, с которым провела ночь, только что проснулся... Он молчал. В его глазах, словно две алые пучины, бушевала ярость. Он был похож на монстра, вырвавшегося из клетки, где его держали в плену. Шишка на лбу, оставшаяся от удара каблуком, выглядела комично, но никто не смел улыбнуться. Все присутствующие опустили головы, стараясь спрятаться от его гнева. Пот струился по их лбам, капая на мраморный пол. В воздухе витал резкий аромат розмарина, а дым от ладана, который горел еще с ночи, напоминал о совершенном преступлении. Тишина была гробовой. В комнате царил хаос: разломанные стулья и диваны, клубы пыли, висящие в воздухе, разбитые часы на стене и осколки стекла, разбросанные по полу. Можно было представить, какой яростью был объятый этот человек. Говорили, что Лян Чен Лу обладает вспыльчивым нравом. В деловых кругах он был непобедим, властвуя над всем привилегированным классом. У такого человека, как он, должно быть, было множество поклонниц, но ни одна из них не осмелилась приблизиться к нему. Его жестокость отталкивала всех, кто мечтал о его внимании. Но сегодня кто-то не только умудрился "погладить тигра против шерсти", но и прикоснулся к его груди.— ...Господин... — прошептал кто-то, дрожа от страха. Казалось, он вот-вот рухнет на колени. Только бог знает, как он не упал в обморок, узнав, что в этой комнате была женщина.— Ммм... — прохрипел Лян Чен Лу, не открывая глаз. Рана на лбу все еще кровоточила. Врач, которого привели сюда, не смел перевязать ее без разрешения.— Найди ее и приведи ко мне.